

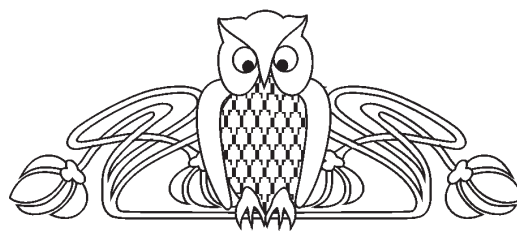
- risk i bezопасnost. *THESIS*, 1994, no. 5, pp. 107–133).
- Giddens A. *The constitution of society. Outline of the theory of structuration*. Cambridge, 1984. 507 p. (Russ. ed.: *Ustroeniye obshchestva: ocherk teorii strukturatsii*. Moscow, 2005. 528 p.).
  - Elfimova O. S. *Bezопасnost i risk kak klyuchevyye cherty sovremennosti (Safety and risk as key lines of the present)*. *Riski i bezопасnost v intensivno menyayushchemsya mire (Risks and safety in intensively changing world)*. Prague, 2013, pp. 28–33.
  - Butenko N. A. *K probleme globalizatsionnyh riskov v sisteme mezhtsivilizatsionnyh otnoshenij (To a problem of globalization risks in system of the intercivilization relations)*. *Riski i bezопасnost v intensivno menyayushchemsya mire (Risks and safety in intensively changing world)*. Prague, 2013, pp. 36–40.
  - Volkova N. G., Baryshkov V. P. *Bezопасnaya dinamika nestabilnosti. Tsvilizatsionnyy krizis i natsionalnaya bezопасnost Rossii (Civilization crisis and national security of Russia)*. Saratov, 2007, pp. 3–13.

УДК 111

ЦИВИЛИЗАЦИЯ И МЕТАФИЗИКА

Маркелов Никита Михайлович

аспирант кафедры теологии и религиоведения,
Саратовский государственный университет
E-mail: septchord@gmail.com

Статья посвящена попытке пролить свет на культовые основания цивилизации Запада и обнаружить причины особенностей становления последней в иудео-христианской метафизике. Анализ проблемы начинается с обоснования мысли отца Павла Флоренского о том, что всякая культура не только этимологически, но и генетически происходит из некоего культа. Отсюда делается вывод, что непосредственным культовым истоком западной цивилизации является та из ветвей раннего христианства, которая впоследствии, заключив союз с римской властью, назвала себя «Вселенской Кафолической Церковью» и объявила все прочие раннехристианские школы ересями. Далее проводится краткий анализ метафизического ядра данной традиции с целью обнаружить в нем те фундаментальные установки и нарративы, которые потом являли себя во всей культуре Запада, в том числе и в светской, и даже в антирелигиозной. Главный вывод работы заключается в том, что произошедшая с Западом тотальная десакрализация действительности имеет причиной своеобразие сочетания метафизики Благой вести с иудейской метафизикой, здесь же надлежит искать причины особенностей всей западной культуры.

Ключевые слова: метафизика, культ, западная цивилизация, язык.

Всякий раз, когда мы прибегаем к мышлению историческому, т.е. начинаем усматривать некие закономерности среди доступных нам фактов существования народов и цивилизации в некоем по отношению к нам «прошедшем», мы так же неизбежно начинаем искать взаимосвязи и всяческие сообразности различных аспектов этой якобы ушедшей реальности друг с другом. При этом мы, сами того не замечая, всегда пытаемся привести эти прежние человеческие реалии в соответствие с неким конституирующим наше историческое мышление принципом. Так появляются многие смежные с историей дисциплины, одной из которых можно считать и

историю философии, которая ни в коем случае не ограничивается простой трансляцией учений великих мыслителей, даже вместе с сопутствующими им интерпретационными шлейфами. История философии не ограничивается, разумеется, и культурологическим аспектом, непременно связующим того или иного философа с соответствующей культурной средой. У одного из своих пределов история философии всегда обращается историей мирозерцания или – и здесь такой синонимический ряд вполне допустим – историей онтологии, историей метафизики. Однако любое радикальное изменение, случающиеся с так-то созерцающим мир народом всегда связано с пересмотром отношения к собственному мышлению, в том числе и фундаментальному. Когда философия перестала соответствовать критериям подлинной мысли, появилась метафизика. Но и метафизическому мышлению суждено было дискредитировать себя.

На определенной вехе своего становления цивилизация Запада зафиксировала свою продолжающуюся десакрализацию в явлении философского языка, называемом критикой метафизики. Попытка добраться до генетических оснований этого явления с неизбежностью приводит нас к метафизике, которая обнаруживается где-то у истоков рассматриваемой цивилизации и языкового поля ее, развивавшегося по заданному, в том числе метафизикой, сценарию. Эти истоки имеют ряд отличительных особенностей, как и цивилизация Запада, в сравнениях с иными известными нам ликами исторических культур. Вспоминая некоторых исследователей, феноменологов, социологов, таких как

П. Флоренский, М. Вебер, П. Бергер, Х. Кокс, Дж. Ваттимо, можно сказать, что в основании исторического, социокультурного(культурного), возможно, трансцендентного фундамента Запада находится иудеохристианская метафизика. Иудеохристианской она названа потому, что среди всех появившихся в начале нашей эры христианских школ «кафолической Церковью» стала та, которая привела Благоую весть в соответствие с иудейской онтологией. Здесь, однако, перед исследователем встает серьезная проблема. Как справедливо замечено, именно христианская традиция является одной из наименее изученных в части, касающейся как первых веков ее существования, окутанных, по выражению Рене Генона, «почти непроглядным мраком», так и ее центральной метафизической составляющей, теряющейся в бесчисленных страницах, принадлежащих перу Отцов Церкви эпохи вселенских соборов. Естественно, о иудеохристианской метафизике могут быть написаны тома, мы же попытаемся обозначить из тех ее моментов, которые вообще могут хоть как-то отражаться в дискурсе, наиболее яркие и отчетливо проявляющие себя на протяжении становления Запада.

Если речь идет о том христианстве, которое стало культовым основанием цивилизации (а не о прочих его направлениях, позже названных ересями и методично уничтоженных), то имеется в виду христианство историческое, а не «эсхатологическое», как сказал бы Николай Бердяев [1, с. 3–4]. Данное противопоставление мыслителя всплыло в тексте не случайно, однако «историчность» того христианства, о котором идет речь, будет рассмотрена несколько иначе. Независимые от мнений ортодоксии исследователи мифологем Благой вести, такие как Г. Йонес [2], А. Дугин, показали: Благая весть и ее чисто метафизические установки не несли в себе горизонтально ориентированной историко-временной призмы организации реальности. Напротив, тексты корпуса Благой вести (включая некоторые книги канона Нового Завета) ясно указывают даже не на метаисторический, но, в некотором смысле, на метавременной характер действительности, где явно прослеживается (характерная, кстати, для традиционных эзотерических доктрин) иерархически-структурированная вертикаль, на которую «нанизаны» различные слои реальности. Эсхатон Благой вести, таким образом, оказывается дистанцирован от индивидуального сознания не темпорально, но топологически: личные духовные усилия по достижению «Царствия Небесного внутри» вместо скитания по пустыне истории в ожидании Второго Пришествия. Однако очевидно, что данная онтологическая модель не стала достоянием всей

цивилизации Запада. Напротив, Запад оказался «вброшен» в бытие историческое, где на протяжении двух тысячелетий шагал к «Небесному Иерусалиму» по временной горизонтали. Если характерная для индийского Востока модель мироздания как самсары довольно отчетливо передается архетипическим образом белки в колесе, то «прогрессирующий» к концу истории Запад очень похож на ослика, шагающего за привязанной у него перед носом морковкой.

Естественно, «история» пожаловала на Запад не одна, но в компании родственных ей по происхождению метафизических установок. Ветхий Завет в руках Церкви заставил человека чувствовать себя вечно греховным рабом властолюбивого Творца, который, может быть, дарует более-менее приемлемую загробную жизнь тому, кто не будет нарушать Закон, и накажет того, кто будет плохо его соблюдать. Чтобы не уходить слишком далеко от обозначенной темы, резюмируем вышеотмеченное следующим образом: метафизикой культовых истоков Запада можно считать скорректированный Благой вестью иудаизм для «гоев» (причем не следует забывать, что суть Благой вести продолжала бытовать на Западе, но в крайне маргинальной форме – в образах, символах, архетипах так или иначе являющих себя во всякого рода творчестве). Из указанного следует сделать акцент на следующем: метаязык и некая «метаментальность» Запада начинается именно там и тогда, где и когда синтез Благой вести и иудаизма сочетается с более или менее изжившим себя «языческим» мирозерцанием. Заметим, что, если в иудаизме истина бытует в такой форме языка как текст, а Истина Благой вести имеет место до всякого языка (хотя и обнаруживает себя в нем), то момент иудеохристианского синтеза поместил истину в пределах обыденного спекулятивного языка. Тогда еще не было Канта, и некому было указать на антиномическую несостоятельность такой «метафизики», однако эпоха вселенских соборов ясно демонстрирует нам, что истина оказывалась на стороне того, кто лучше спорит или раньше успевает заключить союз с властью имущими. Процесс становления и самоузнавания такого языка оказался выраженным в его постоянной самопроверяемости. Концепция фальсифицируемости К. Поппера является великолепной иллюстрацией данного процесса, нужно лишь применить ее не к сугубо научной стороне действительности, а к истинам онтологического порядка, которые чередовались в ходе истории Запада.

Итак, очевидно, что иудеохристианский метаязык оказался в ситуации игры с Истиной. Это не ситуация ведизма, где все, что имеет «метафи-

зический вес», начинается с «Ом», и не случай с иудейством, где все записано и посчитано. Истина оказалась «отдана на растерзание» человеческому языку, языку-знаку (здесь очень уместна известная аналогия Семена Франка, проводимая между транспонированием смысла в категорию и распятием Христа) [3, с. 76]. Таким образом, метафизика Запада, являющая себя в языке, стала тем, что в конце концов будет названо «отсутствующим» трансцендентальным означаемым. Более того, вся история ее развертывания – это процесс избавления от неразрешимых противоречий онтологического порядка, которые и составляют ее суть (речь идет о базовых принципах Благой вести и Ветхого Завета), т.е. ее самоаннигиляция в истории оказалась заложена в ней самой. Эпоха вселенских соборов – время расцвета иудеохристианской метафизики, когда горячие богословские споры были ярким отражением игр спекулятивного языка. Та эпоха закончилась, казалось бы, утверждением окончательной истины для всего христианского мира, и так оно и было бы, но метаязык не мог замолчать после выведения универсального *scedo*. Параллельно с разделением церквей на Западную и Восточную произошло открытие западом Аристотеля и рождение схоластики – спора о количестве ангелов на конце иглы. Парадоксально, но именно «триумф» Аристотеля над Платоном на Западе оказался как эпохально знаковым событием, так и вполне закономерным. Здесь следует сделать небольшое отступление с целью пояснить суть предыдущего высказывания.

Дело в том, спор «за первородство» Платона с Аристотелем как будто бы был греческой репетицией аналогичных событий, развернувшихся позже, но уже в других масштабах. Если мы вдруг отважимся говорить о метафизике платонизма (апогеем которой стали трактаты Плотина), то ясно увидим ее как некую философскую рефлексию трансцендентных истоков бытия (линия, продолжающая орфико-пифагорейскую традицию). Любая дискурсивная критика такой метафизики оказывается просто несостоятельна в силу додискурсивного онтологического статуса того «места», где такая метафизика берет начало, жестом, в сторону которого и является факт ее существования. Метафизика Аристотеля, в свою очередь, берет свое начало там, где бытие как таковое заключается в скобки, а на его место ставится сверхчувственное в сущем. Именно эта модель утвердила католического Бога (как единственное бытие) абсолютно трансцендентным, что сделало монополистом на истину уже не вочеловечившегося Христа, живущего в сердцах верующих, а иерархов католической церкви. Метафизическая модель Аристотеля дала

возможность окончательно разъединить знание и веру, а впоследствии дать ход «свободной мысли», спекулятивному языку, не скованному ничем кроме собственных дискурсивных границ.

Так, вкратце обрисовав основания становления западной метафизики, можно далее заявить, что вся следующая за этим история философского языка Запада – это история разворачивания иудеохристианской метафизики, а ключевые фигуры философов – вехи на этом историческом пути.

Утвердив трансцендентное абсолютно трансцендентным (т.е. вообще недостижимым), в соответствии с иудейской онтологией творения и аристотелевским учением о сверхчувственном западная метафизика оказалась в некотором смысле развернута в различных онтологически ангажированных топосах. С одной стороны, мы наблюдаем ее *абсолютно трансцендентное* ядро, на существование которого нам указывает ее *относительно имманентная* оболочка, проявленная, в свою очередь, в поверхностном сознании – *ratio*. Такая функциональная схема хороша тем, что она имплицитно указывает на онтологию воплощения, обнаруживаемую в Благой вести, с той лишь разницей, что вопрос о связи проявленного и проявляющегося в ней оказался табуирован – естественное продолжение иудейской установки об абсолютной недостижимости тварью Творца. В ядре, которое, по всей видимости, топологически располагается до всякого становления (являясь при этом началом всякого становления), мы можем разглядеть собственно христианское и иудейское начало (Имя и Число?), описывать их сейчас нецелесообразно не только в силу глубоко додискурсивного их бытия, но поскольку у настоящего исследования иные задачи.

Гораздо ближе к границам, задаваемым темой, оказывается тот слой метафизической действительности, который мы условно обозначили относительно имманентным. Дело в том, что именно он оказался по довольно загадочным причинам ввержен в пучину исторического бытия-становления, где с ним случались вполне доступные описанию события. Предыдущее замечание подтверждается также тем, что слой действительности, о котором идет речь, относится к области тонкого, но проявления. Итак, перед нашим взором предстает картина: на сцене исторического бытия причудливой игрой света и тени, явленного и сокрытого, разворачивается действие самоопровержения иудеохристианской метафизики, по крайней мере того в ней, что в принципе может быть опровергнуто. «Свободо-мыслие должно быть по крайней мере законным, должно составлять право человека» [4, с. 74]; в

контексте вышесказанного эта, на первый взгляд, преисполненная здравомыслия фраза Э. Коллинза обрастает любопытными интерпретациями: освобождаясь от накладываемых церковью границ, язык легитимировал свое право недогматических метафизических спекуляций.

Собственно с Фейербахом закончился период «воинствующего» атеизма в Европе, когда то, что осталось в условно имманентном бытии метафизики, окончательно утвердило свою безосновательность и всеми силами пыталось (по методу, предложенному Аристотелем) найти свое основание в чувственном. Уже не раз в это время звучал возглас о материи как основе и причине всей действительности, даже пошел слух, будто бы человек произошел от обезьяны: таким удивительным образом иной раз разворачивается перед нами «история» как прогресс от грехопадения до Нового Иерусалима. Отступая от своих «трансцендентных истоков» и сжигая при этом мосты, метафизика вдруг оказалась выброшена на самую поверхность – в «объективную реальность» материи. О том, что лишь Бог в незапамятные времена был бытием в собственном смысле этого слова, не помнил уже почти никто. Начался довольно короткий и не очень яркий период «метафизики материи». На арене глашатаев «истины» вдруг оказались

О. Конт, Г. Спенсер, Э. Мах, Р. Авенариус. В творчестве двух последних наиболее ярко выразилась невозможность спекулятивного языка нести истину (что заметил еще Кант). Пытаясь отказаться от метафизичности как таковой, язык попал в ловушку: вдруг оказалось, что он сам является продолжением метафизики.

Таким образом, мы видим, что политические и социокультурные аспекты становления цивилизации Запада оказались теснейшим образом сплетены с разворачиванием на пространстве истории метафизики иудеохристианского культа: именно ее мотивы звучали с вариациями в самых различных философских системах и установках Запада.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Война и эсхатология // Путь. 1940. № 61. С. 3–4.
2. Йонес Г. Гностическая религия. URL: <http://www.platonirm.ru/content/yonas-g-gnosticizm> (дата обращения: 23.08.2013).
3. Франк С. Л. Непостижимое. М., 2007. 510 с.
4. Коллинз Э. Рассуждение о свободомыслии, вызванное возникновением и развитием секты, называемой свободомыслящие // Английские материалисты XVIII века : в 3 т. М., 1967. Т. 1. С. 73–191.

Civilization and Metaphysics

N. M. Markelov

Saratov State University
83, Astrakhanskaya, Saratov, 410012, Russia
E-mail: septchord@gmail.com

Article is devoted to attempt to clear up the cult bases of the West civilization and identify the causes of the formation of the latest features in the Judeo-Christian metaphysics. The analysis begins with justification of thought of Pavel Florenskiy's postulate that, not only a culture genetically comes from a cult, but also any philosophical categories come from a cult too. Accordingly, a direct cult source of the Western civilization is that version of early Christianity which later having concluded the alliance with Rome, called itself «Universal Catholic Church» and declared all other early Christian schools as heresies. Next is a brief analysis of the metaphysical roots of that tradition, to find in it those archetypes which then manifests themselves in all of Western culture, including the secular and even atheistic. The main conclusion is total desacralization of reality that had done with the Western civilization in cause of the combination of originality metaphysics of the Gospel and the Jewish metaphysics. Here is should look for the causes of all the features of Western culture.

Key words: metaphysics, cult, western civilization, language.

References

1. Berdyaev N. A. *Voyna i eskhatologiya* (The War and Eschatology). Put (The Way), 1940, no. 61, pp. 3–4.
2. Yones G. *Gnosticheskaya religiya* (Gnostis religion). Available at: <http://www.platonirm.ru/content/yonas-g-gnosticizm> (accessed 23 August 2013).
3. Frank S. L. *Nepostizhimoe* (The Incomprehensible). Moscow, 2007, 510 p.
4. Collins A. *Rassuzhdeniye o svobodomysslii, vyzvannoe vznikoveniem I razvitiem sekty, nazyvaemoy svobodomysslyashchie* (A discourse on freethinking: occasion'd by the rise and growth of a sect call'd free-thinkers). *Angliyskiye materialisty XVIII veka: v 3 t.* (English materialists of XVIII century: in 3 vol.). Moscow, 1967, vol. 1, pp. 73–191.